

СОДЕРЖАНИЕ

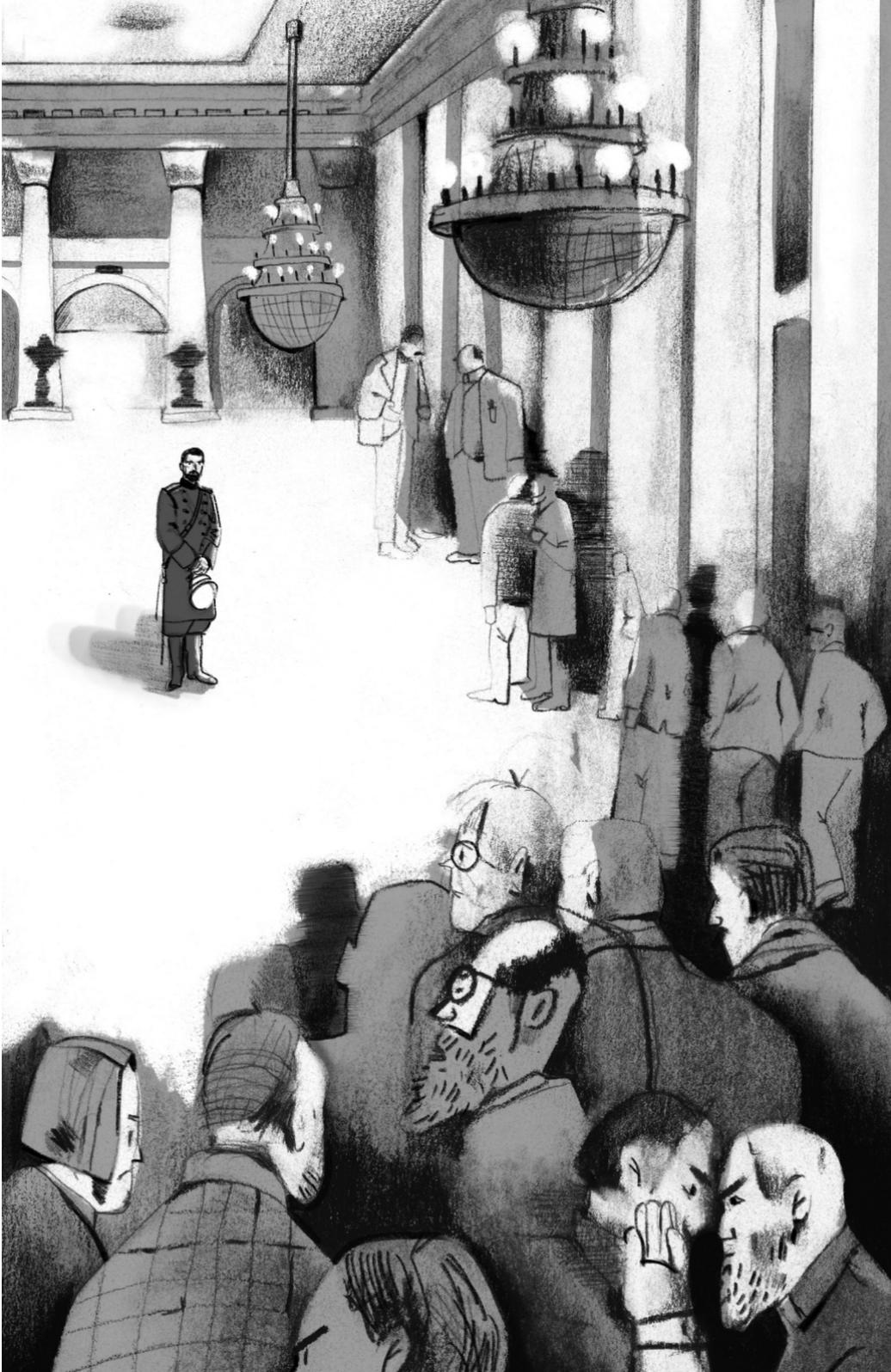
Общество	7
Читающая публика	15
В земских собраниях	25
Вехи общественного движения	34
Беспартийное строительство	49
Магический кристалл идеологии	61
Конституция	75
В кружках и салонах	78
Редактор	88
«Беседа»	100
Право и «право»	115
Кулинарный комитет	119
Патриарх	121
У Казанского собора	145
Журнал	149
Доставить в Россию	163
На пути к союзу	173
Общественное движение и правительство	181
Министр	189
Нужды деревни	206
Организация	214

Герои и толпа	222
Смерть министра и теория катастроф	230
Съезд в Париже	239
Съезд в Петербурге	247
После ноябрьского съезда	253
Революция	264
Беседы	277
Почти партии	281
Освобождение на местах	303
Рождение партии	307
От журнала к партии, от беседы к революции	311
Список рекомендуемой литературы	320

ОБЩЕСТВО

Девятнадцатый век был длинным. Он заявил о себе тогда, когда как будто эталонная французская монархия конца XVIII столетия неожиданно стала «старым порядком», когда парижские кружки научились идеалы Просвещения обращать в политическое действие, когда показалось возможным выстроить новое общество на новом фундаменте. Девятнадцатый век начался вместе с Французской революцией. Вместе с ней в европейскую жизнь пришло много важных понятий. Встал вопрос о нации и национализме. По-новому было прочитано слово «конституция». Возникло идеологическое размежевание среди интеллектуалов. Это была повестка на все последующее столетие.

Современнику девятнадцатый век порой казался скучным, чересчур прозаичным. Кому-то не хватало поэзии Средневековья, кому-то — героики Античности. В прошлом искали идеал, рассчитывали увидеть его возрождение в будущем. Это неудивительно: как раз тогда, в XIX веке, была изобретена история как наука. Дела минувшие стали предметом профессиональных изысканий. Возникла потребность в эстетическом переживании истории. Прежние века стали территорией открытий. Впрочем, девятнадцатый век умел быть разным. В то время как одни с наслаждением вдыхали архивную пыль, другие искали научное

описание природы и общества. Это было время стремительного научного прогресса, невиданного прежде в истории. Жизнь человека менялась на глазах, и это внушало уверенность, что она будет меняться и дальше. Из чего делался вывод, что и правовые, и социальные институты не могут стоять на месте. Они тоже будут совершенствоваться. Эти два разных мироощущения сосуществовали, иногда накладываясь друг на друга. В чем-то они сходились. Они подразумевали необходимость дать описание общества и власти, наметив перспективы их эволюции.

В России европейская повестка множилась на местные проблемы. И для империи конец XVIII века был определяющим. Благодаря политике Екатерины II в России возникли сословные права, а значит, сословия, и что важнее — тогда начало складываться «общество», пока малочисленное и исключительно дворянское. Оно крепко держалось за дарованные привилегии, отлично помнило, что всесильное государство отныне само себя ограничило и не может высечь представителя благородного сословия. Замечательный российский историк Н.Я. Эйдельман писал о «непороте поколения» русского дворянства, которое иначе себя ощущало, иначе понимало свое место в России, иначе действовало. 13 февраля 1797 года император Павел I запретил слово «общество». Сам по себе этот факт весьма показателен. Государь знал, чего бояться. Правда, он мог отменить слово, но не мог упразднить явление, которое оно описывало.

История общества в России — особый сюжет, достойный специального внимания. В данном случае стоит отметить лишь два соображения. На протяжении XIX века численность общества заметно росла. Общество оставалось меньшинством, но все более внушительным. В значительной мере это было следствием политики правительства, которое открывало высшие учебные заведения, учреждало земства, проводило судебную реформу, способствовало созданию акционерных компаний... В итоге менялся состав общества. К концу XIX века оно включало в себя не только и не столько дворянство. В первой половине столетия выпускник университета был практически обречен оказаться на государственной службе. В конце — у него уже был выбор. У него расширился круг чтения: преимущественно это были толстые журналы, которые и определяли повестку общественной дискуссии.

Какова же была численность общества? Об этом продолжают спорить. Едва ли это вообще разрешимый вопрос. По подсчетам Б.Н. Миронова, в 1870–1892 годах общественность составляла 10% от всего населения страны, в 1906–1913 годах — 16%. Иначе говоря, эти показатели хотя и медленно, но росли. Л. Хэфнер привел совсем иные цифры. Он учел численность членов общественных организаций в Самаре и Казани в начале XX века. На основе этих сведений исследователь пришел к выводу, что общественность — это не более 1,5–2% городского населения (вместе с членами семьи — около 3%).

Так или иначе, общество — малая часть населения. В *общественное же движение* была вовлечена малая часть общества. Само словосочетание остается в чем-то загадочным. Оно с трудом переводится на иностранные языки, не находит там прямых аналогов. Остается догадываться, когда и кем оно было введено в оборот. Видимо, его родителем был историк литературы А. Н. Пыпин. Российская словесность ему многим обязана: например, понятием «теория официальной народности». Изучая интеллектуальную сферу первой половины XIX века, он вышел на проблематику литературного движения, которое со временем преобразилось у него в общественное. Такая родословная понятия не кажется случайной. Вокруг толстых журналов и складывалось общество. Их читали, обсуждали, в редакциях знакомились и ссорились. В конце концов, именно журналы определяли общественную повестку. Она не могла быть собственно политической. В условиях цензуры, более или менее строгой, это было в принципе невозможно. Но такая повестка была на грани политического. Она подходила вплотную к «вечному вопросу» русской истории: о конституции — со всеми оттенками понимания этого термина, даже в отрицании ее. В том прежде всего и заключается феномен общественного движения: оно осуществлялось в «демаркационной зоне», которая отделяла легальное от нелегального.

В этом кроется известная трудность для исследователя общественного движения. Предмет его изучения

не всегда очевиден, он «ускользает». Очевидно, что общественное движение не сводится к «подполью», но как тогда понять социальные масштабы этого явления? Политические партии пытались вести подсчет своих членов. Разумеется, им не стоит во всем доверять. Они были склонны преувеличивать свою численность. Однако в этом случае исследователь располагает количественными параметрами, пусть и не во всем надежными. Что же такое общественное движение за пределами этих партий?

Однозначного ответа на эту загадку нет, но есть одно обстоятельство, которое позволяет хотя бы приподнять завесу неизвестности. Была одна сфера общественной деятельности, которая разворачивалась строго на границе запретного и дозволенного: это земское движение. Его участники — именитые, влиятельные, состоятельные представители русского общества. Они были вхожи в «высшие сферы», часто непосредственно к ним принадлежали. Им было дозволено больше, чем многим другим. Само же земство, обладавшее некоторыми властными полномочиями, было центром притяжения самых разных сил. В его среде давало о себе знать недовольство сложившимся порядком. Земцев угнетала мысль об административном контроле над ними со стороны губернской или столичной администрации. Они мечтали поставить этому предел — в виде общероссийского земского собрания, Земского собора или парламента на английский манер. Каждодневная практика органов местного самоуправления подводила к мысли

о политической реформе иногда весьма «благонадежных» лиц.

Сколько же было в России участников земского движения? До 1905 года общественное движение в России не могло быть многочисленным. По подсчетам исследовательницы Н.М. Пирумовой, речь идет о приблизительно 300 земцах (на 12 тысяч земских гласных). Естественно, речь идет о самых активных, деятельных представителях органов местного самоуправления, которые друг друга очень хорошо знали. Это единая среда, связанная не только общностью дела, но и семейными узами. Плотно стянутые воедино московские дворянские семьи становились своего рода ядром земского, а затем и всего общественного движения. Они были связаны друг с другом, с академическим миром, университетской кафедрой, высшими сферами. Значение земского движения не подлежит сомнению. Примечательно то, что его участники составляли чуть более 2% от всех земцев в России, людей образованных и по определению занимавших активную общественную позицию.

Их общественная жизнь разворачивалась в дворянских поместьях, городских усадьбах. Это был мир, альтернативный чиновничьей канцелярии. Он строился на прочных социальных основаниях: речь шла о весьма благополучных людях. В то же самое время они были уверены в своем праве требовать что-то от власти. Это было уже не первое, а по меньшей мере четвертое непоротое поколение в истории России.

Очень характерны слова адвоката, общественного и политического деятеля В.А. Маклакова о московских «лордах», которые хотя бы одним фактом своего существования олицетворяли возможную перспективу развития России — путем поступательной эволюции ее политических институтов.